

Pat Boran
Пат Боран

Дом

Вода исторгается из крана с металлическим
звоном – словно цепь.

Вечность прошла с тех пор как здесь
хоть что-то было в движении –

кроме крыс и птиц.
Наверное, последними обитателями этого дома

были отец и сын.
Отец послал сына в город, одарив его

рукопожатием и старыми бумажными банкнотами.
С тем же успехом он мог бы велеть ему

принести домой время,
не дав часов, чтобы его нести

Опубликовано в Журнале Поэтов № 7(19), 2005

То, что он забыл

Перед отъездом он проверяет свой багаж, и снова
упускает из виду, что он кое-что забыл.
Его мысли блуждают повсюду, опережают
время, пугают полетом над горами, скольжением
над пучиной вод. Наука, которую он почти не знает,
сделала такое возможным.

Ему придется основываться на истории вопроса,
сведениях, полученных от знакомых, и детских
воспоминаниях о бумажных змеях. Он должен
довериться чужому опыту,
статистике снов...

Постепенно, ангелы и укрощенные монстры его воображения затихают, позволяют ему заняться своими вещами. Он следует инструкциям. Багаж снова проверяют на таможне. Таможенники не знают, что там чего-то недостает. Они судят о том, кто он, по содержимому его чемоданов.

На борту самолета он обнаруживает, что забыл взять с собой записную книжку, и начинает вспоминать, что он делает здесь, за облаками, кто он есть и кем был, если, конечно, он кем-нибудь был.

Волшебство

Он тихо сложил ладони –
как будто птица села
на свое отражение в зеркале.

Казалось, дышит только воздух,
а не я и не он, хотя, конечно,
мы и были дыханием.

Затем он раскрыл ладони.

«Волшебство», – сказал он, и я
согласился, хотя ничего не появилось
и не исчезло, кроме некоей
уникальной вещи, имя которой –
мимолетное мгновение.

Когда вы въезжаете в новый дом

Въезжая в новый дом,
не спешите вписывать новый адрес в записную книжку,
потому что призраки, обитающие в ней,
вечно ищут новое жилье, как студенты-первокурсники
в запотевших телефонных будках.

Вы только переехали, с вашими книгами и посудой,
а эти призраки уже освоились с вашим полукреслом,
научились скрипеть медленными половицами

и разбили лагерь на берегах мечты вокруг
вашей девственной кровати.

Рожденный для бритья

В свои двадцать восемь я так высок,
что вижу лишь мой подбородок.
Ниже – мое тело уходит
куда-то в одежду
и теряется под ней, да и мое ли там тело?
Я смотрю на себя в зеркале
и вижу лишь подбородок, порою
зубы, изредка язык.

Я вслепую умываюсь,
намыливаю лицо,
стараюсь не дышать, пока пары
не улетучатся, – и сгибаю колени
на пару дюймов, чтобы убедиться,
что я брею именно себя,
а не кого-то другого.
Рожденный для бритья.

Ребенком
я видел в этом зеркале лишь потолок.
Годы спустя появилась волосы на моей макушке,
потом глаза, потом вот этот вот подбородок.
Рожденный для старения и бритья.
Рожденный взрослеть, чтобы взглянуть
себе в лицо. Рожденный для сожалений и,
как их плодов,
обещаний. Например, таких:
когда-нибудь я обязательно дотянусь
откуда-то с неземных высот,
где ничто уже ничего не значит,
до этой раковины, до этих затупившихся лезвий.

Правда далеко не очевидна

У Платона были большие ступни,

Сократ страдал геморроем,
Эвклид обожал
напиваться вдрызг.

Иуда предал Христа
потому что нуждался в прощении,
а Гитлер был когда-то
обычным ребенком.

?

Уже поздний час, и правда
далеко не очевидна. В соседней комнате
священники смешивают кислоты
для бедняков.

Дадим им реальную жизнь, не то они будут
преследовать нас – Большая Нога,
Шишкозадый и Пропойца. Оставишь их тенями,
и – глядишь – они уже наши тени.

Чучело

было Ханниганово (а Ханниган был тот,
чей брат однажды пошел на танцы
и не вернулся), оно стояло к западу
от зарослей шиповника,
с распростертыми руками без ладоней,
пустой мешок изображал голову,
шорты были те самые, что остались после
похорон Ханниганова брата, о котором
с тех пор не поминали,
чтобы не сеять раздора...

Легко потеряться
в бесконечной чересполосице мыслей,
что блуждают от одного предмета
к другому, потом обратно. Мы тоже
шли по полю туда, потом обратно, и отовсюду
видели это Ханниганово чучело на пригорке.
Где-то в Северо-Восточно-Юго-Западном
мире полужнакомых вещей
мы заглядывали в отсутствующее лицо
этого воплощения загадки.

Бессмертные

Я Мартин Дреннан из Баллидэвиса,
что опорожняет стаканы виски и
пива Гиннесс в баре Динни Джо

и вспоминает давние балы в ратуше, куда
проскальзывал незамеченным
чтобы наслаждаться зрелищем и стряхивать

пепел дешевых сигарет с балкона.
Внизу, на рыночной площади,
где еще не выветрился запах

свиней, выставленных утром на продажу,
ровный ряд тачек, с рукоятками,
нацеленными в небо, напоминал

противовоздушную батарею, задолго до
изобретения аэропланов братьями Райт,
что подарили людям мечту о небе.

Фермеры, привычно растиравшие свои
плевки сапогами, на черно-белых фотографиях
казались худыми, даже истощенными.

Вот они разглядывают фотокамеру, что только что
запечатлела для потомков этот вымирающий вид –
ирландцев межвоенного периода.

Впервые опубликовано в журнале «Окно» № 4(7), 2009

Пат Боуран родился в 1963 в городке Порт Лиш (графство Лиш). Его первая книга, «Остановившиеся часы», была издана в 1990 году. За ней последовали несколько других поэтических книг и книга коротких рассказов «Странные спутники».

Patrick Cotter
Патрик Коттер

Поющая болонка

Моя болонка поет арии, но только для меня.
В «Песнях об умерших детях» Малера
ошибается. Для «Рая»
из «Реквиема» Форе голос у нее слабоват.
В перселловской «Жалобе» испытывает трудности
с высокими нотами,
но в конце концов, чего вы хотите от собаки?

Она начала петь
когда я перестал обращать на нее внимание.
Мы не выносим друг друга.
Когда она трясет своими кудрями,
запах становится нестерпимым,
достигает моего мозга через ноздри.
Ее моча ароматизирует угол моей гостиной.
Вонь усиливается, когда протираешь пол шваброй,
да и у жидкости в ведре неистребимый запах аммиака.
Терпеть не могу эту вонючую собаку.
Она меня тоже не жалует, потому что я равнодушен
к жалобному взгляду ее блестящих глаз.

Нам обоим надоела
тайная внутренняя жизнь затворников одиночества.
Моя отдушина – музыка,
ее – прогулка, где она нюхает
задницы других собак
или пристает к проходящим детям.
Однажды я проигнорировал ее скулеж, когда
она просилась на улицу, –
и она научилась петь. В тот вечер
я не мог не обратить внимание
на ее неподражаемую интерпретацию
романса Рафаэля Куртевиля «Ползи, ползи, тихо ползи».
Я повел ее гулять. Она обнюхивала задницы.

На следующую ночь я проигнорировал ее Куртевиля,
и она запела что-то из Дюруфле.
Однажды я пытался устроить концерт,

где я бы аккомпанировал ей на виолончели:
в моей гостиной не помещается пианино.
Однако в доме было полно гостей,
не спрячешься,
и ей было уж не до пения.
Она не подозревает, что я знаю:
она поет шлягеры Руфуса Уэйнрайта
когда думает, что меня поблизости нет.
Вонючая дворняга!

У ангелов не одно сердце, а два

– каждое размером с кулак.
Дополнительное отвечает за работу крыльев,
накачивая по артериям кровь, обогащенную
не каким-нибудь там O₂, а O₄.
Плохо, если два сердца
умирают в разное время.
Некоторые ангелы гибнут даже если сердце их крыльев
еще работает, и потом годами витают в стратосфере,
в четвертом измерении.
Но еще хуже тем, чьи сердца крыльев
умирают раньше
сердец мысли и движения.
Эти способны лишь ползти во времени.
Им кажется, их достоинство умаляют,
их нервные узлы,
анализирующие печаль,
подавляют те, что когда-то отвечали
за полет. Усиливают страдания.
Лишают возможности
замечать чужую боль.

Прогулка по воде

Сегодня воздух в помещении был невыносимо удушливым, и я
отправился на остров Майнау.
Во время переправы меня раздражали крики из толпы; люди смотрели
на молодую пару, шествовавшую по воде словно ангелы по облакам.
Когда я взгляделся и понял, что это Зина и Флориан, я чуть не потерял сознание.
Рядом со мной пара итальянцев волновалась и крестилась.
Но тут прибыл чиновник с отвратительно прозаической вестью:
В том месте было мелководье, дно отделяла от поверхности лишь
пара сантиметров.

Все, что нужно знать об ангельских книгах

Книги ангельских песен редки,
но ищущий
рано или поздно их обрящет –
ведь желающих петь ангельские песни
меньше, чем самих песен.
Эти томики в засиженных мухами суперобложках
можно найти на складах, на дальних, полузабытых полках
букинистических магазинов.
Они обычно заставлены батареей изданий
ангельских мемуаров, ангельской прозы
и ангельских путевых дневников.
Благословенны книги ангельских песен.
Благословенны и те, кто их разыскивает.

Сукно без вышивки

Только угрюмым юнцам приходится платить
за переправу через Стикс,
подсовывая монету унылому
перевозчику, чьи глаза почти не знакомы
с улыбкой. Когда наши окна в мир
затуманиваются,
а волосы и кожа тускнеют,
нам становится легче ступить по воде
этой странной реки, вполне бездумно.
Потом лишенный любви подземный мир
обоймет нас, как живая эластичная материя,
темная у нас под ногами.
Тогда мы проснемся – и поймем,
что оказались в кошмарном сне.

Впервые опубликовано в журнале «Окно» № 10, 2012

Патрик Коттер — поэт. Родился в городе Корк, окончил местный университет. Работает директором Манстерского литературного центра в Корке. Автор трех книг стихов.

Theo Dorgan
Тео Дорган

ДИКАРКА

Моя возлюбленная – кошка,
И она истерзала меня цапками
И царапками, кошачьей
Индифферентностью и милой привычкой
Спрыгивать мне на плечи
С веток и фонарей,
Ударяя меня боком по затылку.

Порою она мила
И приносит мне в зубах розы.
Они свешиваются из ее вялой пасти,
Эти свежесрезанные кровавые розы.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Красный шелк хлопает на ветру в лучах прожектора.
У домов и куполов ленинградская желтизна.
Кругом зубчатые стены цвета бычьей крови.

Над булыжной мостовой нависают тюрбаны
собора Василия Блаженного.
Мне чужды следы танков на брусчатке,

вой ветра из диких пустот Востока,
но сейчас тихий жаркий вечер, и площадь
окутана туманной дымкой. Она устала.

Слишком много истории творилось здесь,
слишком много венков было возложено
на могилу Ленина. Старухи с тяжелыми пакетами

ждут ветра перемен, юношеского веселья,
неожиданных вопросов. Сцена готова
для нового тирана и его деклараций.

МОСКОВСКОЕ МЕТРО

При входе нет уличных музыкантов.
Единственный раз, когда я спускался
В метро не под музыку.
Никакой рекламы на стенах,
Ничто не рассказывает нам о жизни наверху,
Не зовет в наземный мир.
Бронзовый Пушкин, отшлифованный
И безмятежный. На потолке самолеты
Тридцатых годов,
Опускающийся парашютист.

Сперва все хорошо,
Но когда надо делать пересадку,
Я теряюсь, пытаюсь разобрать
Названия на незнакомом языке.
Подходит женщина, ровесница моей матери,
Рассматривает карточку, на которой я заранее
Записал, куда я еду.
Сжимая мой локоть, она ведет меня
По лабиринту. Я рассказываю ей,
Откуда я. Она удивляется, вполне безразлично.

Моя приятная несвобода продолжается.
Мы идем по коридорам, поднимаемся по лестнице,
Снова спускаемся, огибаем углы,
Наконец приходим, куда нужно. Тем временем
Дочь этой женщины всем своим видом выказывает
Раздражение. Я обмениваюсь рукопожатием с матерью,
Но смотрю на дочь.
Лицо той – каменная маска надменности,
Обрамленная наушниками плеера.
Я пытаюсь понять, что за путешествие я прервал.

Тео Дорган — поэт, радиожурналист. Родился в городе Корк. В течение длительного времени работал директором Поэтри Айрланд, национальной организации ирландских поэтов. Живет и работает в Дублине.

Desmond Egan
Десмонд Иган

Накануне февраля

Молони кричит “Хэй!” поднимает руку
проносясь мимо на мотоцикле — торопится на работу

крик его застывает
как выхваченный прожектором силуэт —
и тогда птицы нагромождения облаков трактор
снова заполняют этот день

и хотя радио уже огласило “Северные вести” —
убийство здесь (мужчина застрелен в своей
постели в 4 часа утра) убийство в Ливане
вмешательство русских в Анголе —
так много всего но ничего о доме который
наполнился пока еще не весной а лишь холодом извне

несмотря на все это а может и благодаря этому
или чему-то еще я снова обещаю себе
любить каждую минуту этого утра
улетающую подобно снежинке
любить этот день эту морозную пору
и эту радость древнюю как холмы

и пусть мой крик вернется после раскатов эха

Из цикла "Холокост осени"

III

и в Ирландии
есть места где не поют птицы

где прошлое прорастает в настоящее

где столетия трепещут листвою

где странники встречают странников

где расколота надвое обнесенная
пограничной проволокой душа вздрагивает в такт

оркестру печали чьи звуки приходят
из-за зубчатых стен

VIII

спаси одного и ты
спасешь мир верно но
убей одного и все рухнет

поэтому мы терявшие
надежду целыми графствами
мы испытавшие холокост
в далеком 1847-м

и века изгнания
в своей собственной стране
мы оплакавшие не счесть сколько жертв резни

несем в крови печаль
это наша поступь наш взор акцент
в нашей речи ритм нашей жизни
израненная наша тень в поношенной
одежде столь же смешная

как и каждый из нас ставший
не тем кем был задуман

Хиросима

Акиро Ясукава

Хиросима твоя тень
выжжена на граните истории

для нас пилигримов
ты необъятное пустое пространство
где можно плакать в тишине

в моем мозгу глубоко засела
стеклянная пуля память
об эпицентре взрыва где
сотни тысяч душ
в единый миг расплавились

о кадрах хроники где солдат
с участием предлагает стакан воды
обожженному ребенку
который на это никак не реагирует

о эти тонкие бумажные журавлики

Из цикла "Стихи для отца"

I

смотрю на фотографию

отец стоит у теплицы
в рубашке с короткими рукавами

такой умиротворяющий летний день
никто и не думает позировать
меньше всего — одуванчики

мать говорит что-то Кейт
у той в руках желтые розы

изгородь из бирючины — мы потом ее подстригли —
весьма живописна
кукла лежит освещенная — теперь уже навечно — солнцем

мне кажется я чувствую запах обеда
вижу стол и складные стулья
в видоискателе моего фотоаппарата

и красные салфетки подхваченные ветерком

IV

в то утро в интенсивной терапии
апрельские лучи высветили белизну
двух соседних пустых коек

мы вспоминали мое детство и отец
вдруг заплакал
широкие плечи задрожали
от безмолвных рыданий

это было настолько не похоже на него
натурально невероятно —
все равно что увидеть черную кровь

в 4.30 утра его не стало

отец...

как и тогда
сегодня в этот ветреный и дождливый августовский день
я хочу простереть на тобою руки
прикрыть тебя щитом

я у которого нет щита и для себя

* * *

мне на самом деле так немного надо —
каменный домик на берегу озера

в котором отражается лес
(должен же там быть лес!)
и конечно кого-то (непохожего на других)
с кем я мог бы жить спокойно среди птиц

ты считаешь что это немного, друг мой?
но такое мало кому было дано

даже птицам

Впервые опубликовано в журнале «Иностранная литература» № 3, 1999

Градины

как всегда неожиданные
эти капли льда скачут
по плетню по шиферу на крыше
озвучивая тайные звоны
иных миров
стреляют легкими дротиками
и сами же их дробят
что даже легче чем пронзять
кроны деревьев

потом замирают в нерешительности

снова вступают в свои права
выбивают из головы все мысли
резвятся на подоконнике
играют в пинг-понг на оконном стекле
изображают наметенный снег
на крыше теплицы

вдруг исчезают

белые лужицы тишины

оставляя нам изумленную обыденность
что снисходит к нам редко

как и вдохновение

Michael Hartnett
Майкл Хартнетт

ХАЙКУ ИЗ ИНЧИКОРА

где-то в доме
хлещет вода из крана –
звуки чужой жизни

вдали от целительных пляжей
море на моем столе...
раковина

среди весеннего поля
коричневая лошадка –
копыта в нарциссах

Майкл Хартнетт (1941-1999) — поэт, писавший на английском и ирландском языках, автор многих книг стихов, в том числе книги «Хайку из Инчикора». Родился в городе Лимарик, жил в Дублине. Двухтомник его стихов был опубликован посмертно.

Rita Ann Higgins
Рита-Энн Хиггинс

Человек, который не складывает гладильную доску

Он любит
хорошо отглаженные белые рубашки
и Трэйси Чапмен.
Он не складывает
гладильную доску
в своем домике-прицепе,
припаркованном у шоссе,
чтоб легче было собраться,
если он все-таки решится
куда-то пойти.

Он играет песни
Трэйси Чапмен
очень громко
в своем домике-прицепе
у шоссе,
чтобы заглушить
шум машин
и скрежет своего одиночества,
что врзается в него
со всех сторон.

Наш брат Папа Римский

Горести лучше, чем смех,
ибо печаль умягчает сердце.

Экклезиаст

Немногие знали, что
Папа Иоанн XXIII являлся

членом нашей семьи.
Его настоящее имя было
Папа Иоанн XXIII Хиггинс.

Он жил с нами в Баллибрите.
Я даже не могу сказать, что у него
была отдельная комната,
но она ему была не нужна:
в его распоряжении был весь дом.
Наш дом.

Он был дома,
когда отец принес домой
макрель,
и когда Ягве Курран
насвистывал, обходя
все двенадцать окрестных коттеджей.

Он был дома, когда мы
красили наш дом
по случаю ежегодных
конских бегов,
и когда мы купили
новую кухонную плиту
«Стэнли» девятой модели.

Когда он умер,
все пошло вкривь и вкось.
Макрель провоняла,
Ягве Курран перестал свистеть
на целый месяц,
кинотеатр в Шелковом Сарае
стал похож на фургон переселенца
с отвалившимся колесом.

Наша мать все плакала и плакала.
Святой Джуд и Святая Агнесса
по-настоящему ее подвели,
что же до Филомены,
та не могла сотворить и
крошечного чуда, даже если
ее жизнь зависела бы от этого.
О ней вообще можно было забыть.

Хорошо осведомленные соседи
стояли в очереди перед нашим коттеджем,
чтоб выразить соболезнования.
Их глаза сочились печалью.

«Как жаль, что такое случилось с макрелью!» —
говорил каждый из них,
зажимая нос.
Мать плакала громче.

Вопрос времени

Однажды машина остановилась передо мной,
и водитель спросил дорогу в Тьюам.

Я сказала:
«Сэр, где Тьюам был вчера,
сегодня его нет».

На следующий день машина остановилась передо мной,
и водитель спросил:
«Где тут была дорога в Тьюам?»

Я сказала:
«Сэр, где Тьюам был вчера,
сегодня его быть не может».

На третий день машина остановилась передо мной,
и водитель спросил:
«А где мы с вами сейчас находимся?»

«Сэр, — сказала я, — лично я сейчас в Тьюаме,
и время — без четырех двенадцать ночи».

«Время правильное, — отозвался он, —
но вы, мадам, находитесь не там, где думаете».

Рита-Энн Хиггинс — поэтесса, автор семи книг стихов. Родилась и живет в городе Голуэй. Лауреат премии имени Питера О’Доннелла.

Brendan Kennelly
Брендан Кеннелли

ГОЛОС МИРА

Я слышал голос мира в моих критических средостениях,
И голос этот говорил, что наибольший, совершеннейший,
Важнейший вклад в наше понимание истории был сделан
В этом году неким ретивым слугой человечества.

И я был двумя местами одновременно:

Я был уединенным фешенебельным пляжем Барна Странд,
Королем пустых мест, крикливым хамом.
Ветер смеялся, когда брал меня за руку
И вел сквозь щель во мне самом к морю,
Чьи волны были росистыми цветами, а потом детьми,
Тонущими в этой жизни. Дети, чьи сердца наконец чисты.

И еще я был грязной задней улочкой в городе.
Я был дворнягой, презервативом, пьяной песней, бранью.
Мужчиной, говорящим женщине, что она утратила стыд.

Я слышал голос мира,
и он оплакивал расточительство и убытки.

ВИНА

Дьявол всегда кого-то критикует.
Пол в аду вымощен кирпичами вины.
Лошади там заблудились в горах, и девушки холодны.
Правда лежит на дне колодца и кровоточит.

ЕСЬМ

Когда я думаю о том, что сделало меня мною,
я восхищаюсь каталогом ингредиентов:
я король лунов, Ксавьер О'Грэйди,
я Том Горман, мертвец на болотах,
я Люк О'Шэй в тюряге Лимерика,
я продавец подрывных газеток у церковных ворот,
мужчины удивляют меня,
женщины для меня не существуют.
Я возвращен на хлебах ненависти,
я эмигрант, в чьих мозгах кровоточит
Ирландия, и будет там кровоточить, пока я не
вернусь домой, в поля, которые всего лишь
пародия на мирный пейзаж.
Я пою трагические песни, я безумно смешон,
я продам свою страну за пригоршню монет,
я большая семья,
я каменносердый пуританин,
за все винящий еретиков-янсенистов,
что, как я сам, были беглецами.
Я самодельная бомба, я обрез ружья,
мне нравится жаловаться на свое происхождение,
я знаю о любви так мало, как только можно знать,
я болтаю ерунду о том, что я свободен,
у меня глаза на мокром месте, чуть только я
заслышу колокол,
мой язык превращает змеиный яд в мед,
я смеюсь над тем, о чем писали поэты былых веков.
Лишь теряя себя в себе, я могу воскресить свое
дурацкое остроумие.

Верю ли я себе самому? Я сбрасываю с себя
личины, как одежды. Верьте мне,
если вы еще на это способны.

Брендан Кеннелли — поэт, литературный критик. Родился в графстве Кэрри, на Юго-Западе Ирландии. Профессор кафедры современной литературы в дублинском Тринити Колледже.

Noel King
Ноэл Кинг

Лондон, станция метро «Кингс-кросс»

В вагоне на линии «Виктория» –
краснокожий индеец, при всех регалиях.
Едет на запад.
Пассажиры смотрят опасливо:
индеец вполне реален. Напротив него
джентльмен в полосатом костюме читает
«Ивнинг стандарт». Его ноздри
выражают неудовольствие. Я подавляю
улыбку, широкую, как прерии Дикого Запада.
Я воображаю, как сей джентльмен

едет на работу на коне,
запихнув портфель в седельную сумку,
держит над головой зонт,
разговаривает по мобильному телефону,
затем соскакивает с коня
и отряхивает костюм от пыли.

Индеец вытаскивает плеер, достает компакт-диск
из пакета с эмблемой универмага. Это
«Ред хот чилли пепперс». Индеец читает названия песен,
вставляет диск в плеер. Я выхожу на станции
«Севен Систерз», предвкушая обед из купленных в супермаркете
полуфабрикатов, а потом –
послеобеденную телепередачу.

Дублин, автобус 206

Мужчина на заднем сиденье вытаскивает из футляра
сибирского воздушного змея,
черно-бело-серого. Тербит его.

Вчера он просто держал змея на коленях

и глазел в окно.
В среду он что-то напевал себе под нос
на незнакомом языке.

За день до этого он скручивал сигарету за сигаретой
и беспрерывно курил. Несмотря на запрет,
водитель не решился его остановить.
Такой это автобус, 20б.

Что этот человек делал в понедельник, не помню,
кажется сидел с полузакрытыми глазами.

Наша остановка. Сходя по ступенькам,
он запускает в поднебесье своего змея,
в котором больше жизни,
чем во всех наших разноцветных
ирландских змеях.

Спасибо за музыку

Посмертная уборка
родительского дома.

В гараже нам попадается
белая клавиша пианино.
Сестра бледнеет:
«Зачем он его разбил?»

В саду я нахожу
черную клавишу,
подгнившую,
обгрызенную собакой.

Сестра вздрагивает, обнаружив
старинную ножку пианино,
подпирающую верстак:
«Он говорил, он его продал!»

Отец ненавидел пианино.
Он посылал меня играть в футбол,
чтоб мать не учила меня музыке.

Я плачу.
Сестра тоже.
Мы обнимаемся.

Час пик в метро

Города заставляют людей
отправлять друг друга в вымечтанные миры,
которые они никогда не назовут своими.
Их жизни коверкаются и ломаются
в полях мечты.

Обо всем этом

сестрам Флинн

В Сиднее

она вытаскивает книжку стихов
из конверта с ирландской наклейкой
и начинает думать

об этой сестре,
невысокой и незначительной,
про которую они забыли, когда

эмигрировали вскоре после свадьбы.
Она вспоминает лицо в проходе

меж церковными рядами,
робкую девочку,
бросавшую конфетти,
цеплявшуюся за мать – или за отца?
Эту цветочницу с невыразительным лицом,
что впоследствии выросла,
стала поэтом
и написала
обо всем этом.

Ноэл Кинг – ирландский писатель, актер, музыкант и издатель. Родился и живет в городе Трали в ирландском графстве Кэрри. Автор книги стихов «Предсказывая прошлое» (изд-во Салмон, Ирландия, 2010). Стихи и эссе публиковались в англоязычных журналах и в переводе на некоторые иностранные языки.

Ann Leahy
Анн Лийхи

Страна известняка

Я из страны известняка,
тверди, приютившей на себе
подземные потоки и асимметричные глыбы
аммонита, чье сердце
твердо. Подобно раненым, мы здесь
 всю жизнь ищем забвения.

Я из страны известняка,
где печи для обжига стоят
вдоль каждой улицы и переулка,
где скалы сровняли с землей,
чтобы побелить дома, удобрить поля
и очистить улицы от всего подозрительного.

Я из страны известняка,
где статуи теперь забивают изнутри
гашеной известью, чтобы вытравить
воспоминания, способные нас опалить,
и заменить камни, способные
выдать свои секреты.

Посетители мясной лавки

К двери была приколата
картинка - телячья туша
в разрезе. Прямые линии

делили ее бок: филейную часть
вычерчивали между ребрами
и огузком, голень обводили

кружком. Посетителей
мы сортировали по тому,
что за вырезку они покупали.

Посетители мясной лавки - баловни,
за них все делают другие;
филейная дама брала лишь постное мясо,

оставляя все хрящи и жир
на наших руках.
Джентльмен - любитель грудинки -

был принцем, он забирал
все, что было
между костями и мышцами.

Подобным же образом линии,
как рапиры, пронзали здание.
В детстве такого не замечаешь,

но с годами удается узреть
вовсе не бессмысленный узор, что они
образуют, вычислить,

куда делась лучшая часть тебя,
чем ты защищена с флангов,
где спрятано последнее, что могут еще изъять.

Если же этого не понимать, начинаешь чувствовать
некий рефрижераторный холодок,
как ощущали его посетители мясной лавки.

Скованные

Молот, наковальня, паяльник -
вот все, что он оставил, и еще -
имя, которое носит внук, рожденный
в год его смерти, и будет носить теперь
правнук, который не будет знать этих инструментов.
Имя присоединяет двоих последних к цепи

прежних его носителей, на которую, как на нить,
нанизаны лоскутки историй. Кто знает,
что мы заимствовали у этих людей? Уклончивую улыбку?
Посадку подбородка? Упрямый лоб человека,
что не сдастся, хотя все вокруг прекратили борьбу?

Прошлое переполняет нас; мы живем по его законам,
протестуем против него, принимаем как лекарство.
Бродишь вокруг по гравию и вдруг осознаешь:
здесь на тебя и были наложены ковы -
у черного хода кузницы.

Едкий натр

В ее жилах перекись водорода,
клянутся видевшие, как ее порез кровоточит.
Они уверены: чихни она пару раз в воду,
трубы в ванной могла бы прочистить.

Говорят, когда ей потеть вздумается,
пахнет яблочным уксусом,
а коль осадить выдыхаемые ею пары воздушные,
купоросное масло обнаружится.

Неизвестно лишь, на глицерин похожи ли с виду
капли, выступающие, когда она плачет, -
ведь сердце ее из формальдегида,
и застать ее в слезах - непосильная задача.

Лишайник на скале

Серо-зеленый лишайник поселился на отвесной скале
так давно, что отвердел и стал похож на
известняк, камень, на котором растет. Когда
долгое время держишься за веру в себя,

начинаешь быть чем-то подобным,
ощущаешь себя каменной, непроницаемой
для людей, с которыми связана,
как один камень для другого,

устремившей свою жизнь вдоль чужих
трещин и впадин, не проникая в них,

тревожащейся более о своих жизненных соках,
о хрупких своих внутренних клеточках, чем

о рельефе скал, за которые привычно
цепляешься, бесстрастная и неспособная вызвать страсть.

Пустая оправа

Жемчужина выпала сегодня
из одной из твоих сережек

Пустая оправа
царапнула мне палец

когда я ждала в нетерпении
когда же будет зеленый

Сережки подаренные тобой на Рождество
предназначались чтобы меня подкупить

Я сняла их глядя в зеркальце заднего обзора
и отложила

Они и сейчас там в машине
перекатываются беспокойно

Лучше идти босиком чем хромать на одну ногу

Навещаая родной городок

Я замечаю в магазине молодые лица -
не видела их раньше. Не представляю

имен, но узнаю по этим
подбородкам,

по этим глазам, что у этих людей такие же
матери и тетки, с которыми выросла я.

Я знаю это так же хорошо, как знаю
свою плоть и кровь, свою породу, свое поколение

и свое место среди всего этого.

Неизвестные величины

Никогда не могу вспомнить телефонные номера,
телефонные коды - тем более.

Зато всегда знаю, когда день рождения
у каждого, кто хоть когда-нибудь был мне дорог.

Я редко посылаю открытки, даже если знаю
адрес, и я больше не желаю знать
адрес того, кого очень хотела бы забыть,
но помню.

Впервые опубликовано в журнале "Новая юность" № 6 (51), 2001

Ощущая себя лягушачьей икринкой

Не угадаешь, что другие дети станут делать дальше. Вот шагают
к пруду, сбивая головки чистотела,

останавливаются, чтобы похлопать телку по боку, затем наклоняют
свои банки от варенья, выкатывают икринки – холодные, склизкие.

У нее свое развлечение – заставлять ползти обратно
уховертки и лесных клопов, подбрасывая что-нибудь на их пути.

Вот что-то жужжит, привлекает внимание, нечто новое, мягкое,
закрытое со всех сторон, нет, сверху открытое – шмелиное гнездо.

Она чуть вздрагивает, когда конец палки

то здесь, то там превращает жужжание в хруст, потом в тишину.

Оставив у порога свою банку с икринками, она возвращается в дом – посмотреть слово «шмель» в «Детской книге о чудесном мире».

Звон. Вскрик. Дверь оглушительно хлопает.
Банка попала под ноги кому-то из взрослых.

Шаги в коридоре. Оцепенев, она как будто слышит бег секунд,
ждет, когда чей-нибудь голос взвьется, как кнут.

Анн Лийхи родилась в 1962 году в деревушке Борисоули, что в предгорьях холмов Сильвермайн в графстве Типперэри. В 17 лет Анн Лийхи навсегда уехала из родного городка, поступила на юридический факультет Дублинского университета, долго работала юрисконсультom в крупной дублинской фирме, а в последние годы, когда начала писать стихи, нашла другую работу. "Прежняя была несовместима со стихами", - говорит она. В 2001 году она была удостоена поэтической премии имени Патрика Каванаха. Книга ее стихов "Женщина, что прожила жизнь вспять" вышла в Ирландии в 2008 году.

Sean Lysaght
Шон Лайсахт

Стрижи

Голая земля, раздетая
до костей скелета,
адиантум растет на скалах
зимой и летом.

Арктика и Средиземноморье
перемигиваются ясным днем,
стрижи мелькают
перед ветровым стеклом,

когда мы спускаемся
к таласса, таласса,
мечтая об оливах
и виноградниках.

Остров Ахилла

По преданию, Ахиллес отдыхал здесь
после своих Троянских триумфов.
В одном из этих домиков.
Никто не знает, в каком именно. Ветер с моря
скоблит сушу и стирает память о том, как герой стоял
пред славной своею триремой,
украшенной его гербом.

Позже он надел сандали
и помог местным жителям разгрузить корабль.

Его золотой шлем возложили на его мантию,
и они с тех пор десятилетиями собирали пыль.

Все это
плавно перетекает в повесть о том,
как местный житель по имени Гарри О'Диссей
нежданно воротился из Англии. Он обнаружил,
что его ферма запущена, его пес одичал,

лучший скот продан, и тому подобное. Это лишь начало истории, конец которой вам, разумеется, известен.

Перевод без оригинала

Человек идет вдоль стен
разрушенных домов. Он не говорит
о войне, пожарах и голоде. Одинокий,
что-то бормочущий человек — и камень.

Да, конечно, он пожил свое.
В былые времена он строил стены,
а на заработанные деньги пил.
Он даже сподвигся на большее:

кланялся перед алтарем, пролагал
свой путь сквозь годы, изумлялся жизни.
Но сейчас он постепенно застывает
в своем нынешнем вечно сердитом облике.

Человек идет вдоль разрушенных стен,
а камни остаются камнями. Они не меняют лицо.
Это человеку свойственно бунтарство.
Ему всегда хочется вставить словцо.

Впервые опубликовано в журнале «Дети Ра» № 3(17), 2006

Шон Лайсахт — поэт. Родился в городе Лимерик. Живет в графстве Мэйо, на Западе Ирландии. Преподает биологию в местном университете.

Thomas McCarthy
Томас Маккарти

«Composition au Papillon» Пикассо

Этим вечером, Пикассо, я думаю о твоём волшебстве.
Потрескивает газовый счетчик, луна струит морозный свет.
Мне говорят, ты был Кухулином холста,
в тебе воплотился дух Леонардо.
Никогда еще краски не покорялись столь сильной руке:
Герника, пошлые сластолюбцы, портреты Ольги,
даже интимная хрупкость «Композиции с бабочками»
столь совершенны, что сами боги
сознают предел своих возможностей.

В Париже, когда тебе был пятьдесят один год,
ты мог играть Бога, экспериментируя с тканью, струной,
чертежными кнопками и маслом. Правда в том,
что мы с рождения опутаны провинциальными узами.
Но если нам везет, мы — как ты — умираем французами.

Берлинская стена Мика Ханнигана

Твоя стена, Мик, фрагментарная и сухая,
как корка обгорелого содового хлеба,
путешествовала со мной по заснеженным
американским провинциям. Твоя стена стала моим
хлебом насущным: более реальная и священная,
чем могла бы быть частица Истинного Креста,

и более трансцендентная, чем поэзия.
Я каждый день иду к причастию штукатурки
и нюхаю ее дурно пахнущие хлопья.
Мне интересно, сколько разрушенных домов
пошло на изготовление стены. Святая гробница
Берлина, разорванного на части и пустого,

реконструирована в качестве простой стены,

жалкой и примитивной. Был народ,
разделенный и испуганный. Кто-то сказал,
это было для него наказанием, и поделом.
Как в случае с нашим разделенным островом,
что есть символ духа несговорчивости.

Мик, я разделил твою стену в Сиракузе.
Нет, не в Сиракузе. В Берлингтоне, штат Вермонт.
Я подарил часть ее поэту во время снежной бури.
Частица Тела Христова. Мне думалось: вина
И история вполне делимы — как и Божья Благодать.
Поэт поблагодарил меня, как благодарят священника.

Викторина

Год выборов миновал. По этому случаю сегодня —
викторина и бал. Сенаторы с женами вальсируют новогодне.
Их дети разбрасывают чипсы в уголке.
Отцы отправляют их домой, благо есть с кем.
Матери помогают выставить их на мороз.
Разногласия тонут в вине, болтовне и букетах роз.

Имя возлюбленной Роберта Эммета? Кто была Китти О'Шэй?
Для какого члена ИРА день свадьбы стал концом его дней?
Сколько народу Кевин О'Хиггинс приговорил к расстрелу?
Поцелуи двух европарламентариев, только приступивших к делу,
ждут того, кто на эти вопросы даст ответы подробные —
и выиграет неделю в Брюсселе для двоих плюс подъемные.

Впервые опубликовано в журнале «Дети Ра» № 3(17), 2006

Томас Маккарти — поэт и публицист. Родился и живет в городе Корк. Преподает английский язык и литературу. В 1999 году выступал в Москве в рамках фестиваля ирландской поэзии.

Medbh McGuckian
Мэйв Макгакиан

У верховьев реки

Подобно черному дрозду, крадущему драгоценности,
Лунный убийца подходит, когда я паркуюсь
У верховьев реки, изогнувшейся во сне.

Что случится, если змея
Ускользнет из стеклянной теплицы –
Медовая зола быстрого потока?

Нас обязательно заметят в воде.
Ночи бывают разными.
Также и плавания.

Теперь - в лучшем отеле

У весны было, кажется, больше, чем обычно,
хорошей погоды. Целебная весна!
Крепкие сигнальные цветы, за которыми
я так любила наблюдать, не прерывая течения времени,
вбирали в себя спелость будущего,
что говорит настоящему: «Уже скоро!»

Моя прическа, подобная строящемуся дому,
напомнила мне, насколько я привыкла
поддерживаться в себе жизнь.
Этот дом столь совершенен, что двери
уменьшаются, зарастают сверху,
а окна показывают прошлое.

Впервые опубликовано в «Журнале ПОэтов» № 8 (20), 2006

Мэйв Макгакиан родилась и живет в Белфасте. Работала редактором и преподавателем. Автор четырнадцати книг стихов.

Paula Meehan
Пола Миэн

Женщина в сетях интернета

Она глядит на меня, как и на каждого «посетителя»,
своими странными миндалевидными глазами. Мне кажется,
она сейчас скажет: спаси, спаси меня! Но единственное,
что я могу сделать, это обследовать вэбсайт
Asiatic Babe Cutie Triple XXX Sexpot.

И все же я не могу с этим смириться.
Ее образ преследует меня день-деньской,
он неотступен, в каком бы я ни была углу
моей одинокой комнаты. В самый холодный час зимней ночи
я укладываю эту женщину на душистое ложе

сухой травы лугов, усеянной цветами,
смываю с бледного красивого лица
следы невзгод, судьбы жестокой,
и перед очагом обуздываю внутренний свой пламень
корить незримого Небесного Отца,
что никого не спас и не любил настолько,

чтоб мы могли избавиться от призраков болезненного детства,
из виртуальных зачарованных лесов уйти, освободиться.

Впервые опубликовано в "Журнале ПОэтов" № 7(19), 2005

Молли Малоун*

Из глубин истории –
песня, имя,
жизнь. Мы извлекаем это

из хлама, обрывков и ошметков,
выброшенных за ненадобностью,

мы складываем части мозаики.

«Она умерла от лихорадки».
Побуждение,
то самое, что заставляет сложить вместе

осколки разбитой статуи,
сложить то, что осталось:
песню, имя

и брызги моря,
соленые как кровь, как слезы,
в которые ее вогнали люди.

Теперь, изваянная в бронзе,
она без боли смотрит на сограждан,
что перевозносят ее

и даже взметнули на пьедестал,
хоть глаза их слепы, как ее бронзовые глаза,
и не замечают ее многочисленных детей.

---

* Персонаж известной ирландской народной песни, торговка рыбой.

Бегство

Он до такой степени ушел в себя, что я
не смогла его дозваться.
Я все подготовила для нашего бегства,
а он даже не шевельнул пальцем. Так и сидел
уже который день у себя в комнате, рылся

в рукописях или раскладывал семейные фотографии
строго в хронологическом порядке.
Я заклинала его поторопиться –
наконец-то ожидались безлунные ночи,
надо было две ночи идти через лес.

Недавно в нашем квартале были солдаты.
Я вздрагивала от каждого стука в дверь,

от топота сапог на соседних лестницах.
Друзья советовали не терять времени –
многих с нашей улицы уже забрали в тюрьму.

Его глаза горели как двойное Солнце.
Молчанием он ответил на мои мольбы.
Я упаковала смену белья, половину
оставшейся еды, кольцо моей матери,
чтобы потом сменять его на съестное.

Документы с виду были в порядке.
Я уходила не ради себя –
я носила во чреве новую жизнь.
У самой границы я вспомнила, как в последнее утро
он стоял у окна и наблюдал

торжественный проход Солнца по улице, в глазах его
отражался парад облаков. На нем была
черная рубашка, которую я расшила звездами,
и он не сказал ничего. Ничего!
Вот проводник подтолкнул меня вперед.

Между двумя вспышками прожектора
Я под покровом тьмы легко проскользнула
в иную страну.

Вид из-под стола

Был самым лучшим видом, а стол бы меня прикрыл,
если б вдруг упало небо. Мир окаймляла красная
плюшевая бахрома. Какие бы сцены ни разыгрывались в комнате,
скатерть была занавесом, а я – аудиторией. Вот я смеюсь. Плачу.
Я была ребенком. Что я понимала тогда?

Только то, что луна – фарфоровый шар, подвешенный на медной
цепочке. Ах,
то была совсем не луна. Луну я любила. Крышей мне служила
дубовая столешница,
и под столом никто меня не замечал. Бабушка замечала.
Выходи, говорила она. Выходи. И я оказывалась у нее на коленях,
Вдыхала запах кухни и засыпала. Она убаюкивала меня.
Пела мне колыбельную. Не было никого добрее ее.

Что с тобой, детка? Я никогда ей не рассказывала. Ни слова
не срывалось с моих уст. Тени, говорила я. Не люблю
теней.

Они хотят меня схватить. Там, на лестнице, за углом,
на лестничной площадке. За шкафом. В холодильнике,
белые призраки.

Черные призраки в угольном погребе.
Голодные призраки в хлебнице.

Где-то далеко – моя мать. Сердитое лицо под дождем. Помнится,
молодое лицо. Зачем все это было – выговоры, ремень,
тумаки? Зачем мне теперь ей писать?
Наверное, ей было грустно. Одиноко. Дисциплина.
Наказание. Я подставляю под удар свои четырехлетние руки.

Минута, когда я стала поэтом

Кэй Форан

выдалась в 1963 году, когда мисс Шэннон
похлопала по тряпке, висевшей на крючке
под классной доской, и, полускрытая облачком меловой пыли,

сказала: «Учите уроки, девочки,
или, запомните мои слова,
вы окончите свой век на швейной фабрике».

Неважно, что матери нескольких девочек
как раз и работали на швейной фабрике,
и даже моя собственная теть,

и многие соседки; дело было в том,
что эти слова – «окончите свой век» –
лишили труд присущего ему достоинства.

Конечно, тогда я этого не понимала,
не знала даже этих слов – «труд», «достоинство», –
все эти мысли оформились позже,

обрели смысл со временем. Возможно,
учительница даже была права,
никто не знает этого лучше, чем я сама.

Однако я увидела их, матерей, теток и соседок,
связанных, как цыплята
на конвейерной ленте,

опутанных нитками, как пучки
шалфея и лука, которыми моя бабушка
набивала птичьи чучела.

Слова могут раздеть человека,
ощипать его,
лишить переливающихся павлиньих перьев.

Поезд на Дублин

Я кладу голову на колени Ахматовой,
всхлипываю как младенец; большой палец у меня во рту.
Она поет мне колыбельную, успокаивает во тьме.

Мать моего духа, моя наставница,
жена сладчайшая, источающая ароматы мяты и яблоч.
Я кладу голову на колени Ахматовой

и засыпаю. Поздним вечером поезд придет
в столицу. Я найду своего целителя.
Я кладу голову на колени Ахматовой.

На заре рыжая лиса пробежала мимо моей калитки,
ласточки вернулись в Эшлин,
ива вздрогнула, когда я уходила из дому.

Я взяла свои стихи и паспорт;
золотая сережка моей сестры у меня в ухе.
Я вышла навстречу судьбе, ощущая спиною свою одежду.

Я кладу голову на колени Ахматовой
и всхлипываю, провожая себя в сон. Во мне
созреет песня; корона света

и твое лицо
придут ко мне из моего сна.
Я кладу голову на колени Ахматовой.

Сказка

Юноша влюбился в Истину и искал ее по всему свету. Нашел он ее в лачуге, на поляне посреди леса. Истина оказалась сгорбленной старухой. Юноша клянется отныне служить ей – рубить дрова, носить воду, собирать корни, листья, ветви, яблоневый цвет и самые разные семена, что могут ей пригодиться.

Проходят годы. В один прекрасный день юноша, который уже давно не юноша, просыпается с мыслью, что неплохо бы завести потомство. Он просит старуху освободить его от его же собственного обещания и отпустить в мир. «Да пожалуйста, – отвечает она. – Но вот мое условие: ты должен говорить всем, что я молода, и более того, что я красавица».

Впервые опубликовано в журнале "Окно" № 8 (11), 2011

Пола Миэн родилась в 1955 году в Дублине. Поступив в Тринити Колледж, она окончила факультет английского языка и литературы, а потом преподавала там эти предметы. Также преподавала в США. В 1984 году вышла первая книга ее стихов «Вернись и не вини», в 1986 году – вторая книга «Читая небеса». Далее последовали книги: «Человек, отмеченный зимою» (1991), «Задушевные разговоры» (1994) и «Дхармакайя» (2000).

Noel Monahan
Ноэл Монахан

Куролюди

Сонное покачивание куриных головок
С выпуклыми желто-коричневыми глазками.
Нет больше крыльев, чтоб ими хлопать.
В перьях притаилось молчание.

Бездумные, они стоят сами по себе.
Нет более теплых яиц в гнезде,
Нет стогов, где, бывало,
Так хорошо отдыхалось.

Вощеные зимние клювы
Вокруг стола.
Головы вниз — отхлебнули,
Головы вверх — проглотили.

Смеющееся поле

Человек не мог спать —
Ему мешал чей-то смех.
Он решил, что смеются камни,
И утопил их в реке.

Смех продолжался.
Человек решил, что виноват чертополох,
И сжег все заросли в канавах.

Смех не прекращался. Люди говорили,
Это феи дуют в наперстки.
Другие говорили, вороны разевают клювы
И напропалую хохочут в темноте.

Человек встал с кровати и стал
Вслепую метаться по полю в поисках ворон.
Потом он упал. Фи-ить, фи-ить, фи-ить, —
Плакал он, сидя на корточках. И больше
Никогда уже он не вставал по утрам со смехом.

Одноэтажная хижина речи

Я чувствую себя бездомным
В одноэтажной хижине речи
И вслепую ищу
Несуществующую лестницу
Куда-то наверх.
Я хочу ощутить
Парящие строчки
Под моими ногами,
Нащупать перила слов,
Почувствовать их под пальцами,
Я хочу слышать тишину их песни
В моих снах

Впервые опубликовано в журнале «Дети Ра» № 3(17), 2006

Ноэл Монахан — поэт. Родился в графстве Лонгфорд. Работает директором школы в городе Каван.
Автор четырех книг стихов.

Eilean Ni Chuilleanain
Эйлин Ни Куллинан

В ее другом доме

В моем другом доме все книги выстроены в ряд на полках,
И я снимаю их и читаю, когда я в настроении это делать.
Почтальон приносит письма ко всей семье,
Стол раздвигается, а потом очищается невидимыми руками.

Это мертвые прислуживают нам, и я вижу там, где всегда сидел
Мой отец, его стакан и бутылку горького пива —
Они охраняют его место (и я знаю: это не может быть наяву —
Единственный мальчик в семье с шестью сестрами, он никогда не умел

Раздвигать стол, хотя книги и выстраивались в ряд по его команде).
В ту минуту, когда все моют руки и исчезают из поля зрения,
В комнату с камином, книгами и едой входит человек,
Сбрасывает пальто, делает пируэт,

Как танцор перед тем, как приземлиться,
Достает откуда-то цветок лилии. Все каждый раз
Шарят в карманах, когда дверь открывается,
Но цветок прибыл с ним. Этому человеку хорошо здесь.

На полке сияет большая яркая марка адресованного ему письма.
Он невнятно говорит, раз и еще раз: «И уходит с Богом...»
За окном звучат женские голоса. Он дышит глубоко и быстро
И возвращается разговаривать с огнем, улыбается, греет руки...
В этом доме нет нужды дожидаться приговора истории,
И страницы книг умеют слушать друг друга.

Пигмалионова статуя

Не только ее каменное лицо, отрешенное, смотрящее в папоротники,
Но вообще все, что есть в котловане долины, приходит в движение
(А за горизонтом грузовики успешно сражаются с шоссе).

Дерево раздувает свою крону на кривом холме,

Насекомое врезается в резное веко статуи,
Трава клонится к западу от самых корней,
Когда ветер проникает ей под кожу и листает ее, как книгу.

Завитки волос почти реальны, вьются, как змеи,
Вены шуршат, кровь пульсирует вокруг глотки,
Черты лица яснеют, усложняются, и вот наконец
Изо рта выкатывается зеленый лист языка.

Затворница

В последний год ее привычки изменились.
Идущие мимо странники видели лишь
Замшелое окно невдалеке от церковной паперти.
Через окно ей передавали хлеб и воду.
Несколько слов, наставление. Она знала, кто был
За окном, она молилась за них поименно.
Помню, как она рассказывала мне о своих видениях,
Как она, глухая с рождения,
Преображалась, когда из-за решетки ее окна
Доносились звуки волынки.

Впервые опубликовано в журнале «Дети Ра» № 3(17), 2006

Лошади смысла

Пусть их копыта выстукивают следующую
Страницу рассказа.
Выпустите их из темного стойла,
Пусть они трясут гривами,
Закатывают свои темные глаза, бегут, танцуют.

Пустите их на свободу, и следуйте за мерным стуком копыт
По мощеному булыжником двору,
Когда они огибают угол дома и резвым галопом
Уносятся в широкое поле.

Заметьте место, где они неистовствуют,
Следите за тем, остановятся ли они вдруг

У черты где-то там, на западе,
Где поезда пробегают на рассвете.

Если они глазают на белое пятно на карте,
Будто земля там протерлась до кости,
(Свет будет распространяться в виде утолщающихся
Маленьких белых цветов),
Значит ли это, что здесь конец их полета?
Ветер расчесывает длинные хвосты лошадей,
Их стойло пусто.

Впервые опубликовано в «Журнале Поэтов» № 1(25), 2010

Старые дороги

Они не представлены на карте, эти заброшенные дороги.
Они пересекают горы, нитями впиваются
В расщелины и долины, ввинчиваются в изгороди из
Цветущего терновника.
Следы шин зарастают травой, которую заботливо
Подравнивают овцы. Намокшая трава
Вбирает в себя тишину. Лишь в особенные дни
Здесь ступает чья-то нога.

И если однажды поздно вечером
Здесь проезжает тележка, разрезая ручейки
И хрустя костями,
Дрожащий ее огонек бросает свет на
Фронтон одинокого домика,
Попадает на плоский могильный камень
Или стряхивает нервный луч на чье-то бледное лицо.

подагрические пальцы старых дорог
Не могут более удерживать склоны холмов –
Хватка ослабевает, и этот край
Ускользает из-под их власти.

Впервые опубликовано в «Журнале Поэтов» № 2 (26), 2010

Эйлин Ни Куллинан — поэтесса. Родилась в городе Корк. В настоящее время — декан в дублинском Тринити Колледже. Автор семи книг стихов. Лауреат премий О’Шонесси и Патрика Каванаха.

Copyright Notice: This file contains copyrighted material, including literary works. All rights reserved. You may not publish, download, upload, post on the Internet or otherwise reproduce, distribute or modify any of the contents of this file without the prior written permission from the copyright owner, except that you can print individual pages for your own use. For permissions write to: akudryavitsky[at]hotmail.com

© Anatoly Kudryavitsky, translation

© Анатолий Кудрявицкий, перевод

Все права защищены.

Перепечатка без разрешения правообладателя будет преследоваться по закону.

За разрешением обращаться:

akudryavitsky[at]hotmail.com